

Вера Петровна Желиховская

Завещание

Фантастические рассказы

Вера Желиховская

Завещание

«Public Domain»

1896

Желиховская В. П.

Завещание / В. П. Желиховская — «Public Domain»,
1896 — (Фантастические рассказы)

«Это странное дело случилось не так давно; но мало кто знал о нём, и по невозможности дать рациональное объяснение фактам, те, кто знали, предпочли предать его забвению. Но мне сдаётся, что именно такие-то неразгаданные случаи и не следовало бы забывать. Дело было зимою, перед самыми святками. Иван Феодорович Лобниченко, нотариус, которого контора находится на одной из главных улиц Петербурга, был спешно призван, для засвидетельствования духовного завещания, к смертельно больному...»

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Вера Петровна Желиховская

Завещание

Святочный рассказ

I

Это странное дело случилось не так давно; но мало кто знал о нём, и по невозможности дать рациональное объяснение фактам, те, кто знали, предпочли предать его забвению. Но мне сдаётся, что именно такие-то *неразгаданные* случаи и не следовало бы забывать.

Дело было зимою, перед самыми святками. Иван Феодорович Лобниченко, нотариус, которого контора находится на одной из главных улиц Петербурга, был спешно призван, для засвидетельствования духовного завещания, к смертельно больному.

Больной собственно не был клиентом Ивана Феодоровича; в других обстоятельствах он пожалуй и отказался бы от позднего визита после утомительного рабочего дня... Но умирающий был сановник и миллионер, а таковым ни в жизни, ни в смертные часы тем более, отказов не полагается.

Лобниченко захватив писца и всё нужное, со вздохом почесал за ухом и, отложив мечты о прелестях его ожидавшего винта, – отправился к больному.

Генерал Юрий Павлович Дрейтгорн был плох: самые милосердные врачи не давали ему и нескольких дней жизни, когда он окончательно решился уничтожить завещание, давно им составленное, не здесь, а в том губернском городе, где он царил многие годы.

Генерал приехал в столицу на время, – а слёг вероятно навсегда.

Таково было мнение докторов и большинства его окружающих; сам же больной не хотел этого признавать... Это был сильный духом, а некогда и телом, высокий, бравый старик, с энергичным лицом и глубоким, властным взглядом, которые забыть было трудно, хотя бы раз их увидав.

Он лежал на диване в роскошной, по гостиничному, квартире, составленной из трёх лучших номеров меблированных комнат. Он встретил нотариуса довольно бодро. Сам рассказал ему в чём дело, хотя порою останавливаясь от приступов боли, с трудом перемогал стон, готовый вырваться несмотря на все усилия. В эти тяжёлые минуты Иван Феодорович поднимал на него заплывшие жиром глазки, и вся его маленькая фигурка сочувственно корчилась, невольно симпатизируя страдальцу. Как только этот мужественный, на жизнь и смерть бившийся со страданием, человек пересиливал его, опускал руку от лица, искажённого болью, и тяжело переводя дух, – принимался снова объяснять свою волю, Лобниченко опускал глаза и весь превращался в слух и внимание.

Генерал обстоятельно объяснил нотариусу. Он был женат два раза, имел троих детей: сына и дочь от первого брака, давно совершеннолетних, и девятилетнюю дочь от второй жены. Он ждал этих двоих каждый день: они были за границей, но должны были теперь скоро быть здесь... Вероятно, приедет и старшая дочь.

Нотариус не знал семьи Дрейтгорна, он и его видел впервые, – хотя, как все в России, знал его по репутации; но по тону сдержанно презрительному или жалостливому, когда он говорил о жене своей и младшей дочери, он сразу догадался, что генерал в семейной жизни не совсем счастлив... Дальнейшие слова больного его в том удостоверили. Нужно было составить новое завещание, совершенно противное первому, написанному шесть лет тому назад и дававшему Ольге Всеславовне Дрейтгорн неограниченные права над их малолетней дочерью и всем наследством мужа. Он почти целиком, за исключением родового имени, которое считал себя

не в праве отнять у сына, завещал всё благоприобретённое жене и младшей дочери, – в том, первом завещании. Теперь же желал восстановить забытые им права старших детей, в особенности дочери своей, Анны Юрьевны Борисовой, о коей в первом документе и речи не было.

Ныне, кроме седьмой, вдовьей части недвижимого состояния, он все свои земли и капиталы делил между детьми своими поровну; а над имуществом малолетней – Ольги Юрьевны, назначил самую строгую опеку.

Завещание было составлено, записано, засвидетельствовано как следует, за подписью троих свидетелей и, по желанию генерала, оставлено у него.

– Я вам его отошлю на хранение, – сказал нотариусу Юрий Павлович, – у вас оно будет сохранней, чем здесь в моём временном помещении. Но прежде я желаю прочесть его жене и... и старшей дочери, если... если она успеет приехать.

Нотариус и священник, бывший одним из свидетелей, готовы были уж раскланяться, когда в коридоре раздались голоса и шаги; в дверях показалась голова камердинера, поспешно вызывавшего доктора: приехала, оказывалось, не предупредив никого телеграммой, барыня-генеральша.

Домовой доктор поспешил выскользнуть из комнаты больного; он боялся для него волнения, надо было предупредить жену его об опасности положения... Но больной заметил суету, его трудно было уберечь от жизненных тревог.

– Что там случилось? – спросил он, – что вы мямлите, Эдуард Викентьевич? Говорите в чём дело? Не дочь ли?..

– Ваше превосходительство, прошу вас, поберегите себя! – начал было доктор, как видно хорошо знакомый с домашними обстоятельствами генерала, а потому боявшийся за встречу супругов. – Это ещё не Анна Юрьевна...

– Ага! – оборвал его больной, – приехала... Ну, что ж! Пусть идёт сюда. Только... Только маленькой, – дочери я бы не хотел... сегодня...

В глазах его выразилось страдание, на сей раз не физическое.

Дверь отворилась, о неё засвистело шёлковое платье... Высокая, полная, очень красивая женщина показалась на пороге и, взглянув на измождённое лицо, презрительно усмехавшееся ей навстречу, – в одну секунду очутилась возле генерала, на коленях, у ног его на ковре, и припав к нему, заломила руки, отчаянным шёпотом повторяя:

– О! Georges! Georges! Est-ce bien toi, mon pauvre ami?..

Трудно было бы определить разнообразные, быстро сменявшиеся на лице больного оттенки чувств, вздымавших грудь его и заставлявших его богатырское сердце метаться и трепетать до боли. Негодование и жалость, сострадание и презрение, гнев и печаль – всё вылилось в озлобленном, коротком и резком смехе и в двух словах, которые у него вырвались при виде девочки, его дочери, несмело вступившей вслед за матерью в комнату.

– Не учите лгать! – глянул он по её направлению и с сострадательной гримасой отвернулся к стене.

Нотариус и священник поспешили раскланяться и удалиться.

– Ах, грехи! грехи! – шептал последний, сходя с лестницы.

– А что, – спросил Лобниченко, – нелады, видно, между супругами?

– Уж какие лады, когда сюда приехал развода искать! – прошептал батюшка, нахлобучив меховую шапку. – Да, вот, Бог иначе судил: и без развода навеки разъединятся в сей жизни!

– А мне сдаётся не так он безнадежен... Сложение богатырское!.. Может и вытянет! – предположил законник.

– Во всём – Бог! – пожал плечами батюшка.

И они разошлись.

II

– Оля! – позвал, не поворачиваясь, больной и, почувствовав возле себя поспешное движение жены, устранил её нетерпеливым движением руки и прибавил, – не вы! Дочь.

– Olga! Подойдите, дитя моё! Папа? вас зовёт, – поспешите! – нежным голосом, по-французски обратилась генеральша к девочке, растерянно стоявшей среди комнаты.

– Нельзя ли оставить иностранные фразы! – сердито прикрикнул генерал. – Здесь не салон... Можно бы... из приличия!

Голос его сорвался на визгливой нотке и заставил девочку вздрогнуть и заплакать. Она несмело подошла...

Отец поглядел на неё тоскливо.

Взял её руку левой рукой, а правую поднял, чтобы благословить её.

– Во имя Отца и Сына, и Святого Духа, – шептал он, отчётливо крестя её большим крестом, – Господь храни тебя... от зла! От всего дурного... Будь доброй, честной... Главное: честной! Никогда не лги! Боже сохрани тебя от неправды, от лжи пуще, чем от всякого горя...

Слёзы заволокли глаза умиравшего. Маленькая Оля дрожала всем телом; она боялась отца и вместе так его жалела! Но жалость превозмогла, – она припала к нему, обливаясь слезами. Отец поднял руку, хотел перекрестить ещё раз её голову, лежавшую у него на груди, но не смог закончить креста. Рука его тяжело упала, лицо вновь исказилось страданием; он повёл глазами, на окружающих, очевидно, избегая встретиться взглядом с женой и прошептал:

– Уведите!.. Не надо. Христос с ней!

И на мгновение он ещё нашёл силы положить руку на головку дочери.

Доктор взял девочку за руку, но мать её быстро к ней склонилась.

– Baissez donc la... Поцелуй же руку папа! – спохватилась она. – Простись с ним...

Генеральша захлебнулась и закрыла лицо платком величественным жестом театральной королевы. Больной не видел этого. При звуке её голоса он сдвинул брови и крепко зажмурил глаза, стараясь не слушать. Доктор увёл девочку и сдал её в другой комнате гувернантке.

Когда он вернулся к больному, тот, лёжа на диване, всё в той же позе, не глядя на стоявшую у изголовья жену, говорил ей:

– Я жду свою бедную, из-за вас обиженную Анюту... Я у неё просил прощения. Я её умоляю быть матерью своей сестре... Её я назначаю опекуницей. Она хорошая, честная. Злу не научит... Да и вам так лучше! Вы обеспечены... узнаете из новой духовной. Выгод от опекуинства, по ней, вы иметь не могли бы! Если Анна не захочет взять Олю к себе, воспитывать со своими детьми, как я её прошу, – Ольга будет отдана в институт. Вам свобода милей и нужнее дочери!.. Не правда ли?

Презрение и горькая насмешка звучали в его голосе.

Жена не возражала ни полусловом. По её неподвижности можно бы подумать, что она его не слышит, если бы её не выдавало судорожное подёргивание рта и пальцев крепко сжатых рук.

Домовый доктор хотел было снова скромно удалиться, но его остановил призыв генерала.

– Эдуард Викентьевич?.. Здесь он?

– Здесь, ваше превосходительство!

Он нагнулся к больному.

– Не угодно ли вашему превосходительству перейти на кровать? Лёжа, право, будет легче...

– Умирать?.. – резко прервал генерал. – Что чушь пореешь?.. Знаешь, что терпеть не могу кровати, одеял!.. Отстань!.. На-ко вот, возьми, – он подавал ему сложенный вчетверо лист гербовой бумаги, лежавший рядом с ним, – прочти, пожалуйста!.. Громко!.. Чтобы знала.

Он повёл глазами на жену.

Неохотно взялся доктор за исполнение неприятного поручения. Он был человек деликатный, и хоть генеральша не стояла во мнении его особенно высоко, но она всё же была женщина... И женщина прекрасная... Он предпочёл бы, чтобы она от другого узнала, как много житейских благ отходило от неё в силу нового завещания генерала... Но делать было нечего! Прекословить Юрию Павловичу всегда было трудно; теперь же совершенно невозможно.

Ольга Всеславовна прослушала чтение духовной в совершенном спокойствии. Неподвижно сидела она, опрокинувшись в кресле, опустив глаза и лишь выказывая волнение в те минуты, когда муж её не в силах был сдержать стоны. Тогда она поворачивала к нему своё бледное, красивое лицо, с явными признаками сердечного соболезнования и даже порывалась оказывать ему помощь. Больной нетерпеливо отклонял её услуги, каждый раз многозначительно поводя глазами и бровями на доктора, читавшего его последнюю волю, будто хотел сказать: «Слушай, слушай! Тебя касается!»

Касалось, – что говорить!

Генеральша Дрейтгорн узнала, что вместо стотысячного годового дохода, на который имела право надеяться, может рассчитывать только на безбедное существование, что в её понятиях равнялось нищете.

Доктор dokonчил чтение, откашлялся, чтобы скрыть смущение, и медленно свёртывал документ.

– Слышали? – спросил генерал хриплым, отрывистым голосом.

– Слышала, мой друг! – спокойно ответила ему жена.

– Ничего не имеете сказать?

– Что ж я могу сказать? Ты в праве распоряжаться своим имуществом... Только... я всё же...

– Всё же?... Что? – резко спросил муж.

– Всё же надеюсь, мой друг, что это не последняя твоя воля...

Дрейтгорн обернулся, даже сделал усилие привстать на локтях.

– Ты, даст Бог, поправишься. Быть может тебе не раз ещё придёт охота иначе распорядиться! – хладнокровно продолжала генеральша.

Больной упал на подушки.

– Ошибаетесь!.. Хоть бы я и не умер, – более вам меня не морочить! Это моя последняя воля! – прохрипел он.

И дрожащей рукой подал доктору связку ключей.

– Пожалуйста!.. Вон шкатулка... Заприте, спрячьте духовную.

Доктор исполнил его желание, не глядя на Ольгу Всеславовну. И она не смотрела на него. Пожав плечами на последние слова мужа, она осталась невозмутима и чужда всему, кроме его страданий. Страдания его, казалось, её терзали!..

Зато умиравший не спускал тревожных глаз с доктора, и как только тот запер большую дорожную шкатулку, он протянул к нему руку за ключами.

– Пока жив, – у меня будут! – промолвил он, пряча всю связку в карман... – А как умру, – тебе поручаю их, Эдуард Викентьевич. Сбереги, в последнюю услугу.

Он опять отвернулся к стене.

– А теперь – дайте покой!.. Боль отступила, может засну... Уйдите!

– Мой друг! Позволь мне остаться возле тебя! – промолвила было генеральша, склоняясь нежно к мужу.

– Уйди! – резко крикнул он. – Дай покой, говорю.

Она встала, шатаясь.

Доктор поспешно подал ей руку. Она вышла, опираясь на него, снова трагически прикрыв платком глаза.

– Успокойтесь, ваше превосходительство! – сочувственно шептал доктор, плохо сам сознавая, что говорит его язык. – Вот здесь приготовлены вам комнаты... Вам ведь тоже нужен отдых, после такого долгого пути...

– О! Я о себе не думаю!.. Мне так его жаль!.. Бедный, бедный безумец!.. Много я от него вынесла! Он такой подозрительный, такого тяжёлого характера... И странностей у него бездна!.. Вы знаете, доктор, мне иногда положительно казалось, что он не совсем здоров...

– Г-м! – кашлянул врач.

– Хотя бы эта странная перемена завещания! – продолжала генеральша, не дождавшись более определённого сочувствия. – Это обращение со мною... За что?..

– Да... Это весьма печально! – пробормотал врач.

– Скажите, доктор: он ждёт своих детей?

– Только Анну Юрьевну! Только её одну. Она обещала приехать со старшими детьми... Ещё вчера была телеграмма. Целый день ждали...

– Скажите!.. Откуда внезапная нежность? Десять лет не видались... Может быть и супруга её ждёт? Зятя своего, этого азбучника? – презрительно осведомилась генеральша.

– Нет! Где же? Человек служащий... И сын тоже, Пётр Юрьевич: не могут тотчас приехать! В командировке, в Закаспийском крае... Даль!

– Да, далеко! – согласилась генеральша, очевидно занятая другими мыслями. – А скажите, Эдуард Викентьевич, эта новая духовная... давно она написана?

– Только сегодня. Только сегодня-с. Черновая была заготовлена на прошлой неделе; но генерал всё медлили. А тут, как с утра сегодня приступили эти боли...

– Последние? Опасные? – перебила Ольга Всеславовна.

– Крайне!.. Признаки весьма дурные... Как они появились, Юрий Павлович поспешили послать за нотариусом... Вы ещё его застали здесь.

– Да!.. А та, старая, прежняя духовная значит уничтожена?

– Н-не знаю-с... Но не думаю... Ах! Нет, нет, я и забыл: генерал собирались телеграфировать.

– Да?.. Телеграфировать?

Генеральша пожала плечами, грустно покачала головой и прибавила:

– Он так переменчив! Так переменчив!.. Впрочем, я думаю, что всё равно: ведь, кажется, по закону имеет силу *последнее* завещание?

– Да-с. Несомненно – последнее.

Генеральша поникла головой.

– Мне что обидно! – с горькой улыбкой зашептала она, очень близко склоняясь к молодому врачу и очень сильно налегая на его руку. – Мне что обидно, – не деньги! Я не корыстолюбива. Но зачем же отымать у меня дочь?.. Зачем, помимо родной матери, поручить её полусестре?.. Женщине, которую я не знаю, которая никакими заслугами, ни добродетелями, кажется, не отличалась! Я буду оспаривать!.. Я на это не соглашусь! Закон должен вступить за право матери!.. Как вы думаете, доктор?

Доктор поспешил согласиться, хотя поистине, ни о чём в ту минуту не думал, кроме странной манеры красивой генеральши, разговаривая, так... неудобно близко склоняться к собеседнику.

В эту секунду раздался звонок и громкий голос генерала.

– Доктор! Эдуард Викентьевич!

– Здесь! – отозвался врач.

И оставив Ольгу Всеславовну на пороге её комнаты, он рысцой побежал к больному.

«Для умирающего – здоровый голос!.. Кричит, как на смотре бывало!» – подумала генеральша.

И красивое лицо её сразу подурнело проступившей на нём ненавистью.

Это было мимолётное выражение однако; оно очень быстро заменилось печалью, когда она увидела выходявшего от больного камердинера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.